

ло 27 тыс. человек (с. 459). В сборнике приводится «Положение об образовании Комиссии для строений в Москве» от 5 мая 1813 г. В этой же главе можно подчерпнуть сведения и о ценах на предметы первой необходимости, прежде всего на продукты питания, ознакомиться со списком наиболее состоятельных купцов города, получить представление о разных сторонах его повседневной жизни. Например, 14 июня 1813 г. было запрещено курение табака на улицах города (с. 503), а 10 февраля 1814 г. последовал запрет на открытие новых трактиров и харчевен в Москве, поскольку их и так было много. При этом в приложениях приводится количество заведений подобного рода по полицейским частям города. Больше всего их было в Городской части – 59, меньше всего в Басманной – 6 (с. 524). В приложениях публикуются ещё 83 документа разного характера, заметно обогащающих

информационную базу данной солидной публикации.

Давая весьма позитивную оценку рецензируемому двухтомнику, следует особенно отметить присущий ему значительный иллюстративный ряд. Здесь помещено большое количество иллюстраций, схем, карт, таблиц, которые облегчают понимание реальной ситуации в Москве рассматриваемого периода. Всё это позволяет расценивать его как большую исследовательскую удачу, заметное событие в научной жизни Москвы. Двухтомник стал хорошим подарком городу к прошедшему 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 года и может активно использоваться историками-профессионалами, музейными работниками, а также любителями, традиционно проявляющими интерес к знаменательным событиям того времени.

В.Я. Гросул

1812 год. Московский календарь / Сост. В.М. Хлёткин. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2012. 528 с.: ил.

Настоящее издание, выпущенное в свет Главархивом Москвы к 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 года, представляет собой хронологическое документальное повествование о событиях этой славной страницы российской истории. Необходимо отметить, что в огромной историографии эпохи 1812 года, давно перевалившей за 500 тыс. наименований, очень редко встречаются книги, выполненные в жанре хроники (иногда называемом также историческим календарём). Наиболее известной работой такого рода является составленный Н.П. Поликарповым «Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года», опубликованный в 1913 г. в сборнике Московского отделения Императорского русского военно-исторического общества¹ и переизданный в 2011 г., в преддверии нового «круглого» юбилея войны, сотрудниками Российского государственного военно-исторического архива². Он представляет собой хронологический перечень боевых столкновений российских воинских частей и соединений с войсками Великой

армии Наполеона с 4 июня по 31 августа 1812 г. Автор опубликовал своё повествование в виде первой части предполагавшегося большого труда, однако продолжить его не успел. Самой полной хроникой эпохи 1812 года стала книга современного исследователя А.А. Подмазо «Большая Европейская война 1812–1815 годов: Хроника событий», содержащая подённую роспись походов, сражений, боёв и осад, а также сопровождавших военные действия дипломатических мероприятий периода Отечественной войны 1812 года, Заграничных походов 1813–1814 гг. и кампании 1815 г.³

Составитель рецензируемого издания «1812 год. Московский календарь» В.М. Хлёткин, в отличие от своих предшественников, решил построить своё хронологическое изложение войны 1812 года не столько в виде обычного перечня основных событий с кратким или подробным указанием их содержания, сколько путём публикации документов, приводимых полностью или фрагментарно. Временные рамки – с 1810 г. (подготовка к

войне) по 1816–1817 гг. (так называемый послевоенный период). Календарь не ограничивается военно-дипломатическими событиями, а освещает также административную, духовно-идеологическую и повседневную стороны войны; при этом центральное место в нём отведено Москве, сыгравшей, как известно, в Отечественной войне 1812 года крайне важную, едва ли не решающую роль. Всё это свидетельствует о несомненной научной новизне и оригинальности рецензируемой книги.

Документы и материалы воспроизводятся в Календаре в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, как по архивным фондам, так и главным образом по опубликованным ранее изданиям. Они отражают наиболее значимые события кануна «грозы двенадцатого года», непосредственно Отечественной войны, Заграничных походов русской армии (названных почему-то в единственном числе Заграничным походом 1813–1815 гг.) и первых послевоенных лет. Давая целостную картину происходившего, издатели пытались везде, насколько это возможно, акцентировать внимание на участии в данных событиях Москвы либо на том, как война влияла на жизнь первопрестольной столицы. Так, например, в разделе, посвящённом подготовке к войне, наряду с публикацией Высочайшего указа министру полиции генерал-адъютанту А.Д. Балашову о сборе пожертвований в пользу армии от 18 декабря 1811 г. (с. 12–13), материалов, касающихся отставки М.М. Сперанского и назначения государственным секретарём А.С. Шишкова (с. 15, 17), упоминанием императорских указов, касающихся формирования войск, их материального и продовольственного обеспечения, приводится также ряд «московских» документов: фрагмент Высочайшего рескрипта от 24 мая 1812 г. о назначении графа Ф.В. Ростопчина военным губернатором Москвы (с. 20), указ императора от 3 июня 1812 г. о сборе со всех сословий Московской губернии 1 млн рублей на покупку волов для армии (с. 22–23), переписка Александра I и Ф.В. Ростопчина относительно начала в Москве секретных работ по строительству Францем Леппихом аэростата для бом-

бардирования армии Наполеона (с. 20–22, 24–25) и др.

В разделах, относящихся к периоду Отечественной войны 1812 года, в частности, опубликованы знаменитые «афиши» Ф.В. Ростопчина (с. 39–41, 88, 100, 110, 120, 122, 131, 141, 148–150, 198–199, 250, 309, 334), Высочайший манифест городу Москве от 6 июля 1812 г. (с. 47), документы, связанные с пребыванием в первопрестольной столице Александра I, «Состав Московской военной силы» (с. 55–59), молитва об изгнании неприятеля, составленная епископом Дмитровским, викарием Московским Августином (Виноградским) (с. 68), многочисленные письма Ростопчина царю, касающиеся самых разных вопросов, в том числе и пресловутого аэростата, переписка московского главнокомандующего⁴ с другими лицами, материалы, отражающие оккупацию Москвы наполеоновской армией и ущерб, нанесённый городу Великим Московским пожаром.

В разделах, посвящённых Заграничным походам русской армии и послевоенному периоду, «московскую тему», в частности, продолжают документы, повествующие о восстановлении первопрестольной столицы, о возвращении Московского ополчения (с. 379–380), «Слова» епископа Августина по случаю взятия русскими войсками французской столицы (с. 403–406) и заключения мира с Францией (с. 412–418), Жалованная грамота городу Москве с изъяснением монаршей признательности за оказанные в 1812 г. заслуги (с. 440). По-прежнему значительное место занимает обширная переписка гр. Ростопчина, который, наряду с императором Александром I и главнокомандующим М.И. Кутузовым, бесспорно и вполне оправданно является одним из главных действующих лиц этой книги.

В предваряющем издании «Слове к читателю» отмечается: «Из массы документального материала составителем были scrupulёзно отобраны официальные бумаги, сообщения газет, частные письма и иные документы, имевшие хождение в Москве и формировавшие представление москвичей о военных, политических и экономических процессах. Читатель получает в полном объёме ту же самую

информацию, которой обладали горожане в годы наполеоновских войн» (с. 5–6). Полагаю, что «погружение» читателя в эпоху 1812 года издателям вполне удалось, хотя в огромном массиве приводимых документов встречаются и такие, которые не могли тогда попасть в поле зрения не только среднестатистического москвича, но и представителей элиты: например, секретный доклад Наполеону министра иностранных дел де Шампаньи (с. 11), письмо австрийского поверенного в делах Сен-Жюльена графу Меттерниху (с. 15–17), письмо императрицы Елизаветы Алексеевны матери, маркграфине Амалии Гессен Дармштадтской (с. 142–143) и др.

В целом позитивно оценивая подбор В.М. Хлесткиным документов, дающих читателю разностороннее представление об Отечественной войне 1812 года, не могу согласиться с предложенной им периодизацией войны, а также с трактовкой сущности выделяемых им периодов. Войну 1812 года он делит на пять этапов: первый – подготовка к войне (1810 г. – 12 июня 1812 г.) (?!), второй – плановое отступление (13 июня – 2 июля 1812 г.), третий – стихийный период войны (3 июля – 27 августа), четвёртый – сознательный период (27 августа – 16 октября), пятый – бегство Наполеона (17 октября – 31 декабря 1812 г.) (с. 7–8).

По мнению В.М. Хлесткина, плановое отступление русской армии закончилось 2 июля 1812 г. после оставления ею Дрисского лагеря, ознаменовавшего «провал нашего стратегического плана военных действий» (с. 8). На самом деле стратегическая концепция войны, разработанная императором Александром I и военным министром М.Б. Барклаем де Толли, была рассчитана на три года (1812–1814) и предусматривала ведение военных действий сначала на русской территории, а затем – в Западной Европе. В основу плана кампании 1812 года, опирающегося на разведывательные данные о более чем в два раза превосходящих силах противника, легло положение о необходимости отступления главных сил российской армии в глубь страны и изматывания неприятеля с одновременными активными действиями на его флангах с целью до-

стижения равенства сил. Проект сражения с наполеоновской армией в укрепленном Дрисском лагере, находившемся между дорогами на Москву и Петербург, занимал определённое, но далеко не ключевое место в предвоенных замыслах российского командования, и отказ от него отнюдь не означал их «провала». Период с 3 июля по 27 августа 1812 г. никак нельзя назвать «стихийным» или «непредсказуемым». Главнокомандующий 1-й Западной армией М.Б. Барклай де Толли продолжал в это время следовать утверждённому перед войной плану, русские войска отступали в образцовом порядке (не было утеряно ни одной повозки), а временно разобщённые армии смогли соединиться под Смоленском и достойно проявить себя в генеральном сражении на Бородинском поле. Наконец, нельзя принять и утверждения, что «сознательная стратегия войны» началась лишь после Бородинской битвы с «уступки Москвы неприятелю», «перехода русской армии на Калужскую дорогу» и начала «малой войны» (с. 8).

Книга сопровождается четырьмя приложениями, наиболее интересное из которых – «трофейные знамёна». Это едва ли не самая обширная (хотя и не полная) сводная публикация изображений знамён, штандартов и орлов наполеоновской армии, взятых русскими войсками в 1812–1814 гг. При этом в предваряющей данное приложение информации содержится досадная фактическая ошибка о том, что «русская армия не потеряла за указанный период ни одного знамени» (с. 445). На самом деле подобные случаи в ходе войны всё же встречались: например, Ревельский пехотный полк потерял одно знамя 19 июля 1812 г. в бою при Гросс-Экау, а Нашебургский пехотный полк – два знамени 11 февраля 1814 г. в сражении при Шампобере⁵. Остальные три приложения включают в себя: изображения трофейных орудий, записку Ф.В. Ростопчина «Правда о пожаре Москвы» от 5 марта 1823 г., в которой он из политических соображений решил отказаться от «прекраснейшей роли эпохи» и своими руками разрушить «здание своей знаменитости», и публикацию медальонов в память военных событий 1812–1815 гг., созданных графом Ф. Толстым.

Издание прекрасно иллюстрировано. В качестве иллюстраций использованы репродукции картин, гравюр и карикатур не только дореволюционных мастеров, но и работ современных художников. Правда, на картинах нашего современника С.Н. Трошина иногда встречаются фактические ошибки в изображении униформы и других деталей эпохи, но этот небольшой упрёк можно адресовать скорее самому художнику, чем создателям книги.

В заключение отмечу, что, по признанию самих издателей, они «рассматривали сей труд как своего рода памятник немеркнущей славе предков», задуманный в противовес участвовавшим в последнее время работам, на страницах которых «безраздельно господствует французский Император и его битая “великая армия”» (с. 5–6). Думаю, что в основном им удалось справиться с поставленной задачей. Издание «1812 год. Московский календарь» стало довольно заметным явлением среди многочисленной юбилейной книж-

ной продукции и, несомненно, будет полезно не только специалистам-историкам, но и всем интересующимся событиями вечно-славной эпохи 1812 года.

Л.В. Мельникова

Примечания

¹ [Поликарпов Н.П.] Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. Перечень боевых столкновений русских армий с 4 июня по 31 августа 1812 года // Труды Московского отдела Императорского русского военно-исторического общества. Т. 4. Материалы по Отечественной войне. М., 1913.

² Поликарпов Н.П. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года (Перечень боевых столкновений русских армий с 4 июня по 31 августа 1812 года). М., 2011.

³ Подмазо А.А. Большая Европейская война 1812–1815 годов: Хроника событий. М., 2003.

⁴ Главнокомандующим в Москве Ф.В. Ростопчин был назначен 17 июля 1812 г.

⁵ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 609, 499.

«Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М.: Новое литературное обозрение, 2012. В 2 т. Т. I. 576 с. Т. II. 496 с.

Языковой материал подобен осадочным породам, а также древесным кольцам: в нём откладываются напластования времени, а исторический анализ позволяет их вскрыть и представить в виде более или менее наглядной картины. Всё это очень хорошо понимают составители и авторы сборника статей, посвящённого «понятиям о России». Так, М.А. Киселёв успешно проанализировал и раскрыл различия в правовом сознании России и Европы, включая даже единоверную Русь Византию. У нас действительно главным в этой сфере было понятие правды – справедливости, которую правитель должен устанавливать в государстве, и практически отсутствовали представления о монархе как о законодателе и о законах как его орудиях. В Европе и Византии справедливость тоже являлась важной категорией монархической власти, но благодаря античному наследию закон считался исключительно значимым инструментом верховной влас-

ти. С усилением светских тенденций и влияния западной традиции в широком смысле этого слова понятие закона актуализируется и в России, а государь начинает восприниматься не только в качестве хранителя правды, но и как законодатель. Однако этот процесс, как и вся европеизация, был «верхушечным»: «низы» продолжали искать правду, болезненно отмечая несоответствие ей формальных, писаных законов. Данное положение сохранилось, хотя, конечно же, не столь явно, до настоящего времени. Тем самым статья екатеринбургского историка, выходя за рамки сугубо академического исследования, вновь заставляет задуматься над «проклятыми вопросами нашего времени».

О том, что закон в Российской империи являлся, в сущности, сухой формой, своего рода псевдоморфозом европейской культуры, лишённым непосредственной связи с национальной жизнью, свидетельствует